мог вспомнить существовавшую и в его дни высокую курганную насыпь у Овруча, народным преданием связываемую и в это время с именем Олега Святославича, хотя курган был уже разрыт и кости погребенного покоились в Десятинной церкви. Добавим к этому, что известны достаточно многочисленные древние могилы (курганы) — кенотафы (без захоронений), которые насыпались в память погибших на чужбине. Несомненно они также назывались могилами. Из сказанного следует, что известие об Овручском кургане Олега нет особых оснований относить к древнейшему пласту киевского летописания и более правдоподобно рассматривать его в связи с другими летописными экскурсами в область „археологических" памятников, усматривая в них характерный прием летописной работы составителя Свода 1073 года.

Разумеется, предположение о связи этого приема с летописным творчеством Никона не исключает возможности, что последующие составители и редакторы „Повести временных лет", в частности Нестор Печерский, под прямым влиянием Свода 1073 года, игравшего огромную роль в формировании последующего киевского летописания, могли в отдельных случаях прибегнуть к аналогичным „археологическим экскурсам". Несомненно Нестору, в частности, принадлежит приведенная выше ссылка на опустевшие „гради" уличей и тиверцев, сохранившиеся „до сего дне" по Днестру „оли до моря".

Современный исследователь, решающий задачи историко-археологического изучения древнего Киева, не может забыть огромного вклада, внесенного в дело изучения древнейшего долетописного периода истории города киевским летописцем второй половины XI века. Пытливый и ясный ум, глубокое сознание важности и ответственности задачи создания связной и правдивой истории своего народа, разносторонняя образованность и заостренная патриотическая направленность, умение связать славное прошлое своего народа с его блестящим настоящим — все это выдвигает Никона Печерского в разряд наиболее ярких и замечательных деятелей культуры Киевской Руси.

Нельзя не заметить ряда черт, тесно сближающих идейно-политическое содержание литературной деятельности Никона с основными идеями, за осуществление которых боролся несколькими годами ранее митрополит Иларион. Недаром возникла мысль о том, что Никон — это и есть удалившийся в монастырь Иларион.

Прославленный Иларионом как „град величьством сияющь", древний Киев нашел своего первого историка и археолога в лице Никона. Ему — скромному печерскому летописцу — наша наука обязана замечательной по своей целостности и правдивости реконструкцией облика древнейшего города, который уже для самого летописца был далеким историческим прошлым.